

УДК 94

Е.В. Савкович

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2000-х гг.

Рассматриваются основные направления развития сотрудничества Китайской Народной Республики с государствами Центральной Азии в 2000-х годах. Особое внимание было уделено последствиям мирового финансового кризиса, а также рассмотрению его влияния на региональную экономическую и политическую ситуацию. Кроме того, выделены существенные изменения региональной подсистемы международных отношений, произошедшие в данный период. В перспективе перечисленные ниже направления сотрудничества, а также новые политические конфигурации в Центральной Азии будут оказывать существенное влияние на развитие всех видов связей.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис, Центральная Азия, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, международные отношения.

К концу 2000-х гг. в региональной политике КНР и государств Центральной Азии произошли значительные изменения, которые оказали существенное влияние на динамику двусторонних и многосторонних отношений. Оказалось, что иногда стороны не успевают отреагировать на быстрые изменения геополитической ситуации. Кроме того, собственно регион продолжает оставаться далеким от стабильности. На этом фоне Китай расширяет региональное влияние за счет реализации новых двусторонних и многосторонних проектов.

Итак, попробуем выделить основные изменения, произошедшие в мировой и региональной политике к концу 2000-х гг., которые отразились на отношениях по линии КНР – Центральная Азия. В данном случае мы попытаемся обобщить основные направления исследований китайских авторов, изучающих региональную политику Китая в Центральной Азии.

В задачи исследования не входит рассмотрение степени влияния того или иного события на региональную подсистему международных отношений, внимание сосредоточено лишь на аспектах двустороннего взаимодействия.

Главным фактором, который повлиял на региональное экономическое взаимодействие, стал мировой финансовый кризис. В основном он сказался на двусторонней торговле. При этом для КНР и государств Центральной Азии появились и новые возможности (в частности, продолжился поиск новых моделей, форм и сфер сотрудничества). Параллельно государства искали собственные варианты выхода из кризиса. Китайская экономика при значительных вливаниях продемонстрировала возможности сохранения достаточно высоких темпов экономического роста. Государства Центральной Азии (кроме Узбекистана и частично – Туркменистана) пострадали значительно. Особен-

но сильное воздействие кризис оказал на более «открытые экономики», в частности Республики Казахстан (РК) [1. С. 55]. Казахстан долгое время оставался лидером в регионе по многим макроэкономическим показателям, в частности, по темпам роста ВВП, которые в 2000–2007 гг. составляли более 10% [2], однако в 2008 г. упали до 3,2%. Прогнозы на 2009 г. были еще хуже – около 1%. За первые 9 месяцев 2009 г. внешняя торговля сократилась на 40,7% по сравнению с предыдущим годом [2]. Пострадал и тесно связанный с РК товарный рынок Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР – его показатели по внешней торговле также демонстрировали примерно аналогичную картину (сокращение внешней торговли на 40,2%) [3]. Однако уже во второй половине года наметилось некоторое «оживление» общей экономической ситуации.

Экономике Республики Узбекистан благодаря выбранной экономической модели развития удалось не только справиться с кризисом, но и выйти на новые показатели роста – так, за первую половину 2009 г. было привлечено иностранных инвестиций на сумму более 1,2 млрд долл. [4. С. 315]. Рост ВВП в первом полугодии 2009 г. составил 8% [5], в итоге за год достигнув цифры в 8,1% [6. С. 1]. Рост промышленного производства достиг 9%, для машиностроения и металлообработки динамика составила 17,4% в химической и нефтехимической отрасли – 11% [6. С. 3]. Инвестиции в основной капитал выросли на 24,8% [7. С. 71]. Общая сумма товарооборота составила 21,2 млрд долл. при небольшом сокращении импорта. Сократилось положительное сальдо внешнеторгового баланса – с 4,07 млрд до 2,33 млрд долл. [7. С. 3].

Что касается экономики Республики Кыргызстан, то часть показателей имела тенденцию к росту, в то время как другая – к снижению. Снизились инвестиции в капитальное строительство,

сократились объемы внешней торговли, однако на 0,9% сократился ВВП. Как отмечают китайские специалисты, за последние несколько лет это случилось с Кыргызстаном впервые [8]. Правительство приняло неотложные меры, часть из которых дала результат уже к концу 2009 г. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) достиг 153 млн долл. (рост к предыдущему году – 30%), рост в строительной отрасли составил 30%, связи – 15,7%, пассажирских перевозках – 7%. Однако промышленность пострадала сильнее [4. С. 317].

Существенное сокращение основных показателей продемонстрировала в 2009 г. и экономика Республики Таджикистан. В промышленности было остановлено 16% производственных мощностей, из 800 предприятий остановилось 130. Производство на оставшихся составляло 40–50% от имеющихся мощностей. Темпы роста ВВП снизились на половину от 2008 г. Выросли внутренние цены на отдельные виды товаров, например, на бензин – сразу на 61,6%, на газ – на 89,5%, на электричество – на 56,3%. Существенно снизился и товарооборот: по сравнению с прошлым годом – на 27,2%. Кроме того, сократились и доходы «отходников» – сразу же на 35%, что существенно отразилось на благосостоянии их семей, проживающих в республике. При этом Таджикистан получил помощи от иностранных государств и организаций на сумму около 1,5 млрд долл., что составило около 32,6% ВВП [4. С. 317]. Кроме того, МВФ и Азиатский банк развития предоставили помощи на сумму 30 и 40 млн долл. соответственно [4. С. 317–318].

На Туркменистане влияние кризиса практически не сказалось. В основном это связано с независимой финансовой политикой и стратегией экономического развития. Задача роста ВВП на уровне 10,7% сохранилась. В основном это было достигнуто за счет притока иностранных инвестиций, а также ускорения капитального строительства, роста экспорта нефти, газа и электроэнергии.

Взаимодействие в период кризиса, как отмечают китайские специалисты, продолжало осуществляться по формуле «взаимное доверие в политике, взаимопомощь в экономике, взаимодополняемость в ресурсной сфере» (*«чжэньчжи хусинь, цзинцзи хучжю, цзыюань хубу»*) [4. С. 317]. Китай на саммите ШОС в Екатеринбурге летом 2009 г. озвучил размер помощи, которую он может предоставить для борьбы с кризисом, – до 10 млрд долл. [9]. За несколько месяцев до этого помощь была предоставлена в виде кредита Казахстану (17 апреля 2009 г. во время визита в КНР главы республики Н. Назарбаева) в объеме 10 млрд долл., из которых 5 млрд было на-

правлено на нужды нефтегазового сектора республики, а остальное – банку развития Республики Казахстан [10]. Основная задача данного кредита – поддержание валютной системы. В самом начале 2010 г. был подписан протокол с «ЭксимБанком» Китая об открытии кредитной линии странам-участницам ШОС.

На фоне развития кризиса объем торговли КНР с государствами Центральной Азии в первой половине 2009 г. сократился незначительно, составив 10,4 млрд долл. [4. С. 318]. Китай оказался одним из крупнейших торговых партнеров всех государств Центральной Азии, кроме Туркменистана.

Китай – крупнейший торговый партнер Республики Узбекистан. Объем торгово-экономического сотрудничества между Узбекистаном и Китаем в 2009 г. достиг рекордного показателя. За первые 9 месяцев 2009 г. двусторонний товарооборот составил 1,45 млрд долл. (рост к предыдущему году – 18,8%), а за год – 1,91 млрд долл. (рост – 19,8%) [11]. Продолжился рост и в 2010 г. Узбекистан является вторым в мире экспортером хлопка-сырца, на него приходится 11% его мирового экспорта. Однако Китай является лишь вторым по величине импортером с объемом импорта около 30%. На территории Узбекистана действует 107 предприятий с китайским капиталом (совместные предприятия), сумма вложений которых составила 360 млн долл. [4. С. 316].

В торговле с РК за первые 8 месяцев 2009 г. КНР занимала 2-е место, после Италии (15,1%), став вторым экспортным рынком (13,6%), а также вторым импортером (14,4%) после России (30,6%). Кроме того, Китай стал крупнейшим инвестором Казахстана, в общем объеме привлеченных инвестиций (23 млрд долл.) на Китай приходится 13 млрд, Республику Корея – 5 млрд, Россию – 3 млрд, Францию – 2 млрд долл. В настоящее время на территории РК действует около 1500 предприятий с китайским капиталом, более 70 казахстанских предприятий – на территории КНР [4. С. 314].

Что касается китайско-киргизского сотрудничества, КНР – это второй поставщик иностранных инвестиций и второй импортер. Объем ПИИ в 2009 г. возрос на 4,2%. Кыргызстан – третий в ШОС торговый партнер КНР [4. С. 315]. Стороны развивают сотрудничество в сферах связи, транспорта, добычи полезных ископаемых, строительстве и т.д. КНР – первый торговый партнер Таджикистана по импорту. Объем двустороннего товарооборота за первое полугодие 2009 г. составил 474 млн долл. (рост к предыдущему году – 67,7%). Во втором полугодии существенно вырос импорт Китая из республики [4. С. 315].

Сотрудничество КНР с Туркменистаном в основном проявляется в нефтегазовой сфере (в декабре 2009 г. запущена первая очередь газопровода «Центральная Азия – Китай»), в других сферах сотрудничество менее развито, в том числе в сфере внешней торговли. С середины 2009 г. основные макроэкономические показатели стран Центральной Азии начали демонстрировать тенденцию к росту. Остальные изменения в региональной системе международных отношений были связаны с проблематикой, в основном оставшейся от предыдущего периода взаимодействия – конца 1990-х – начала 2000-х гг. Кроме того, следует оговориться, что частично данные изменения затрагивали и другие регионы либо выходили за рамки собственно региона Центральной Азии.

По-прежнему по периметру юго-западной границы КНР продолжает существовать целый спектр проблем, в частности, связанный с ядерной программой Ирана. Для Китая Иран является связующим звеном между Центральной Азией и Ближним Востоком, кроме того, он оказывает влияние на страны Центральной Азии. Не останавливаясь конкретно на сути проблемы, отметим, что Китай не устраивает новое появление в регионе Талибана, однако одновременно не устраивает и присутствие США в непосредственной близости от границ, которые в этом случае продолжают реализацию стратегии «окружения Китая» («*чжаньлюэ фэнсо*»). Нестабильность возрастает как при очередных «успехах» Ирана в осуществлении ядерной программы, так и при очередном давлении на него со стороны стран Запада и ООН. Государства Центральной Азии представляются здесь как государства-транзитеры, через регион Китай может получить наземный доступ к региону Ближнего Востока и его нефти. Кроме того, любая дестабилизация одномоментно скажется на обоих регионах. Что касается Афганистана, то здесь также продолжают существовать проблемы и для КНР, и всего региона. Во-первых, озвученная американским президентом 1 декабря 2009 г. стратегия «Афганистан и Пакистан» пока может только усложнить региональную ситуацию. «Управляемый хаос», или «балканизация Афганистана» [12], не нужны ни Китаю, ни странам Центральной Азии. Пакистан, являющийся давним партнером Пекина, сейчас выступает, скорее, как объект региональной политики и не намерен мириться с такой ролью. При известной эскалации конфликта в Афганистане талибы вновь могут появиться на южной границе КНР с китайским оружием в качестве освободителей «Восточного Туркестана».

Безусловно, российско-грузинский конфликт произошел в другом регионе (Кавказ), однако повлиял и на ситуацию в Центральной Азии. Во-первых, в КНР началась полномасштабная переоценка роли России на постсоветском пространстве, а также всей внешней политики Путина – Медведева [13–15]. Конфликт назван возобновлением «Большой игры» РФ и США, которая после «революции роз» в Грузии временно переместилась на Кавказ [1. С. 52]. Китайские исследователи называют его «самым значительным событием для отношений России и США после холодной войны» [1. С. 52]. Для Китая сам конфликт произошел «не вовремя» – КНР была глубоко погружена в Олимпийские игры в Пекине. Полномасштабные исследования и подробный анализ конфликта и его влияния на КНР и региональную ситуацию появились лишь в конце 2008 и 2009 г. [16]. С одной стороны, КНР признавал территориальную целостность и суверенитет Грузии в рамках «пяти принципов», неоднократно его подтверждая, в том числе с режимом Саакашвили [17], с другой – не мог пойти на открытую конфронтацию со стратегическим партнером – Россией. Так, «Голос Америки-мобайл» на китайском языке для китайской же аудитории привел несколько позиций: «Некоторые СМИ в своих докладах отмечают, что вооруженный конфликт в Грузии привел в замешательство США и Запад. Им стало сложно сформулировать долгосрочные стратегии в отношении России... сам конфликт создал новый очаг напряженности в двусторонних отношениях» [18]. Автор также делал вывод о том, что «из создавшейся ситуации Китай может «получить легкие выгоды», если воспользуется возможностью «поймать на аркан Россию» и «повысить свое место в международных отношениях» [18]. Однако конфликт привел в замешательство и сам Китай. Этот же источник приводит мнение профессора Дэнверского университета Чжао Суйшэна, который сказал следующее: «Пока российские природные ресурсы представляют для Китая жизненную необходимость»... «отношения Китая с Россией следует рассматривать в контексте отношений Китая с США и ЕС (великими державами, «даго»)». Кроме того, он отметил, что «хотя Китаю необходимо поддерживать с Россией хорошие отношения, Китай не желает, чтобы Россия в этом регионе (Кавказ. – *Авт.*) усиливала собственную мощь, и он должен выступить в качестве посредника между великими державами». Также он полагает, что Китай столкнется с еще одной сложной проблемой, а именно – с признанием Россией территорий Абхазии и Южной Осетии независимыми: «...у Китая

вызывает опасение ситуация...если сепаратисты получают признание извне. Именно потому, что в Китае существует проблема сепаратизма, у нас нет возможности следовать за Россией по вопросу предоставления независимости» [18]. В итоге, анализируя ситуацию, профессор Чжао приходит к выводу о том, что «Россия может продолжить «цепляться» за Китай. Китай не может участвовать в мирном урегулировании между Россией и Западом, но может сыграть в рамках нахождения хрупкого равновесия интересов сторон. И это более привлекательно для Китая» [18]. Еще один автор (представитель Гонконгского информационного агентства Хэ Лянлян) считает, что Китай начал переосмысливать свое геополитическое положение и в грузинском конфликте столкнулся с дилеммой, однако «при любом развитии событий возможно поддерживать «активный нейтралитет». Кроме того, он отметил: «Если в события не вовлечен Китай, то он даже может пойти на уступки России и принять участие в восстановлении Южной Осетии». Здесь же Хэ Лянлян приводит еще одну точку зрения: «Совершенно очевидно, что вопрос о независимости Южной Осетии и Абхазии не может оказать никакого влияния на тайваньский, тибетский и уйгурский вопросы, потому что мировое сообщество не так относится к ним. На практике это не имеет никакого отношения к независимости Тайваня, Тибета или СУАР, так как в этом случае за их спиной стоит великая держава, в противном случае все их усилия обречены на неудачу». Высшие руководители в Пекине достаточно внимательно следили за развитием ситуации в регионе, в основном использовали стратегию, предложенную Дэн Сяопином, «до поры скрывать свои силы, держаться в тени» («таогуан янхуэй»). Соответственно, Китай не был вовлечен в конфликт, в котором не заинтересован [18].

28 августа 2008 г. состоялся 8-й саммит ШОС в Душанбе (Таджикистан), который стал первым международным форумом, на котором можно было обсудить уже итоги конфликта. За два дня до этого Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Лидеры Запада опасались начала новой «холодной войны», в которой Россия может сблизиться с Китаем. Россия и сама ожидала поддержки своих действия участниками ШОС, однако этого не произошло – большинство государств ШОС не поддержало движение к сепаратизму, самоопределению и нарушению территориальной целостности и суверенитета.

Что касается ситуации в Киргизии, то она настолько быстро менялась, что ни китайское правительство, ни другие центры силы не успевали реа-

гировать. При этом не отреагировали и региональные организации – ШОС и ОДКБ, что показывает их слабость в свете кризисных ситуаций в регионе. Что-то подобное может произойти и просто при любой передаче власти в центральноазиатских республиках. Соответственно, даже часть прогнозов ведущих аналитиков, например исследователей из Академии общественных наук КНР, оказалось несвоевременными, да и просто не сбылись. Появились достаточно взвешенные оценки «новой киргизской революции» только по прошествии полугода. Прежде всего, революция была вызвана внутренними причинами, а также – слабостью всех государственных структур, созданных в республике, клановостью. Кроме того, страна уже успела «заболеть демократией» [1. С. 56]. Нестабильность в государстве будет сохраняться и впредь, так как при существовании любой государственной власти в ней будет сохраняться элемент нелегитимности (вариант президентской республики либо смешанной). К варианту парламентской республики страна просто не готова. Апрельские события в Киргизии показывают также и слабость всех созданных механизмов (формальных и неформальных) на пространстве Центральной Азии, по-прежнему очень быстрым может быть откат от «демократии» к исламизму. События в более крупной стране региона (Казахстан или Узбекистан) отразятся на безопасности всего региона и Китая, вплоть до превращения в «новый Афганистан».

Несмотря на то, что соглашение было подписано в ноябре 2009 г., создание Таможенного союза России, Республики Казахстан и Республики Беларусь не получило полноценного анализа со стороны китайских исследователей, они ограничились информационными сообщениями с элементами аналитики [19]. С точки зрения Китая, Таможенный союз (ТС) организован государствами-не членами ВТО, что снижает его значимость. Существенное влияние создание и деятельность ТС может оказать на двустороннюю торговлю КНР (СУАР) с Республикой Казахстан. Кроме того, Украина заявила о возможном вступлении в ТС. Киргизстан в настоящее время проводит исследование возможности вступления в ТС. По сути, это еще один вариант развития экономического сотрудничества в рамках постсоветского пространства при участии наиболее мощных экономик стран СНГ. Частично проект – это еще и «отрывание» более слабых стран Центральной Азии от «формирующегося интеграционного ядра», которым КНР может предложить создание собственных региональных структур. Провал или «тор-

можение» проекта приведет к большей заинтересованности в китайских проектах региональной интеграции – созданию зоны свободной торговли (ЗСТ).

События в Урумчи 5 июля 2009 г. оказали огромное влияние на все сферы развития СУАР – на импорт и экспорт, международный туризм и на сферу привлечения иностранных инвестиций. Летом 2009 г. произошло резкое сокращение количества туристов, практически полностью прекратились поступления и от связанных с туризмом отраслей. При этом внешние инвесторы заняли выжидательную позицию. Единственная сфера, на которой не сказалось «5 июля» – это вывоз капитала из СУАР. Так, в 2009 г. сумма инвестиций СУАР в государства Центральной Азии составила 325 млн долл., продемонстрировав рост к предыдущему году в 2,3 раза [4. С. 318]. Именно инвестиционное сотрудничество может вывести государство и регион в новую фазу развития и сыграть решающую роль в ближайшей перспективе.

В целом, следует констатировать, что возросла активность Китая в регионе. Наиболее активно Китай поддерживает несколько региональных проектов, которые можно назвать «новыми» направлениями взаимодействия КНР с государствами Центральной Азии, обозначившимися в «нулевых годах». Собственно, «новизна» заключается в полном или частичном пересмотре степени важности каждого из данных направлений, прежде всего для китайской стороны, а также в новых региональных инициативах и проектах:

– развитие собственной территории – Синьцзян-Уйгурского автономного района на платформе «транзитного моста», соединяющего Запад и Восток страны, и одновременно – крупного регионального центра (инфраструктурного, финансового и т.д.), «переднего края» сотрудничества в формате «СУАР КНР – государства Центральной Азии» Так, в «документе № 32 (2007) «Некоторые предложения Госсовета о стимулировании развития экономики и общества в СУАР» встречаются такие формулировки: СУАР – это «основная точка экономического роста на Западе КНР», «сырьевая база», «хаб, открытый на Запад» и «стратегическое прикрытие Китая на Северо-западе»; развитие инфраструктурного сотрудничества со странами региона (в рамках большого круга – экономического сотрудничества, меньшего – энергетики и транспортных коммуникаций); развитие гуманитарного сотрудничества.

Фактически данные направления находят отражение и в формате ШОС. Для КНР ШОС по-прежнему является единственным работоспособ-

ным многосторонним механизмом, который после разрешения пограничных проблем перешел в новую фазу своего существования («пятерка-ШОС»). Однако такой механизм все чаще оказывается недостаточным.

Во-первых, одно из государств, являясь частью региона Центральной Азии, не входит в ШОС (Туркменистан). Это осложняет реализацию общерегиональных проектов, а также обуславливает низкий уровень торгово-экономического сотрудничества. При этом китайская сторона хотела бы видеть Туркменистан в данной региональной организации в перспективе [20. С. 196].

Во-вторых, в рамках региона по-прежнему существует ряд нерешенных проблем, как общерегиональных (трансграничная преступность, наркотрафик и т.д.), так и двусторонних (например, недавно обострившиеся проблемы между Таджикистаном и Узбекистаном).

В-третьих, часть государств-членов ШОС просто не в состоянии в полном объеме выполнять взятые на себя обязательства (например, отказ Узбекистана от участия в проекте «Университет ШОС»).

В-четвертых, организация так и не выработала единого подхода к революционной смене власти в государствах региона. Имеется в виду Кыргызстан, в котором в среднем каждые семь лет власть меняется именно таким образом (несмотря на подписанные соглашения по «трем угрозам»).

При наличии очевидных политических угроз существованию ШОС в ее нынешнем виде и появлении новых китайская сторона продолжает активно применять локальный вариант «мягкой силы». Кроме того, для реализации конкретных задач КНР снова приходится спускаться на уровень двустороннего сотрудничества либо заново конструировать многосторонние проекты (проект газопровода «Центральная Азия – Китай»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фань Чжипин*. 2008–2010: Синьцзян чжоубянь синьшитай (СУАР: Ситуация по периметру границ в 2008–2010 гг.)//Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Вестник Академии общественных наук СУАР). 2010. №5.
2. *Данные* Межгосударственного статистического комитета СНГ. – <http://www.cisstat.com/>, 12.05.10.
3. 2009 нянь Синьцзян дуйвай маои ччисюй сяцзян (В 2009 году внешнеторговый оборот СУАР продолжает снижаться) // Национальный Комитет КНР по развитию и реформе. http://dqs.ndrc.gov.cn/gzdt/t20100119_325462.htm 03.10.2010.
4. *Чжунго юй ЧжуньЯ* гоцзя гуаньси куайсу фачжянь (Быстрое развитие отношений КНР и государств Центральной Азии). Гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо. Ланьпишу. 2009–2010. (Международная ситуация и дипломатия Китая, 2009–

2010 г. Синяя книга). – Пекин: Шици чжиши чубаньшэ, 2010.

5. *ВВП Узбекистана* в I полугодии 2009 года составил более 18,3 трлн сум // Сообщение информационного агентства «Advanta.uz» от 19 августа 2009 г. <http://www.advanta.uz/sections/main/297-vvp-uzbekistana-v-i-polugodie-2009-goda-sostavil.html> 17.03.10

6. *Макроэкономика*. Анализ макроэкономической ситуации по итогам 2009 года. 1 марта 2010 г. Ташкент: «Avesta Investment Group», 2010.

7. *Социально-экономическая* и политическая ситуация в российском «поясе соседства» в 2009 году / Отв. ред. проф. С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2010.

8. *СНГ 2009*: полный набор кризисных сценариев // Сообщение информационного агентства «РосФинКом» от 10.03.2010. – <http://rosfincom.ru/macroeconomic/allanalytics/555832.html>

9. *Саммит ШОС* в Екатеринбурге узаконил доминирование Китая в экономике региона // Сообщение информационного агентства «Newsru.com». Новости экономики. 16.06.2009 – <http://www.newsru.com/finance/16jun2009/shos2.html03.09.2010>.

10. *Визит* Председателя КНР Ху Цзиньтао позволит расширить сотрудничество между Казахстаном и Китаем в стратегических отраслях // Сообщение Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан от 14.06.2009. – <http://www.mtk.gov.kz/?mod=news&lng=rus&opt=viewnews&id=3632> 03.09.2010.

11. *Общий* товарооборот между КНР и Узбекистаном в 2009 году составил 1,91 млрд долл. http://bank.uz/uz/publish/doc/text51968_obshchiy_tovarooborot_mejdu_knr_i_uzbekistanom_v_2009_godu_sostavil_usd_191_mlrld 03.09.2010.

12. *Фань Чжунтин*. Синьцзян чжоубянь гоцзя шитай (Ситуация по периметру границ СУАР), Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2009.

13. *У Дахуэй*. Бэйюэ дункуо, Э-Гэ чунту юй Элосы вайцзяо бяньсин (Изменение российской внешней политики: Расширение НАТО на Восток и российско-грузинский конфликт) // Элосы Дуоу Чжунья гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной

Азии в 2009 году). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 48–55.

14. *Сюй Хунфэн*. Э-Гэ чунту дуй Элосы юй сифангоцзя гуаньси дэ инсян (Российско-грузинский конфликт и его влияние на отношения России с Западом) // Элосы Дуоу Чжунья гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной Азии в 2009 году). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 55–66.

15. *Ван Хайюнь*. Э-Гэ чунту дуй гоцзи гуаньси тисидэ инсян // Элосы Дуоу Чжунья гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной Азии в 2009 году). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 66–73.

16. *Чжао Хуэйсун, У Хунвэй, Су Чан*. Э-Гэ чунту цзици дуй Чжунья дишой дэ инсян (Конфликт России и Грузии и его влияние на регион Центральной Азии) // Элосы Дуоу Чжунья гоцзя фачжань баогао (2009) (Отчет о развитии России, Восточной Европы и Центральной Азии в 2009 году). Пекин: Издательство Академии общественных наук КНР, 2009. С. 39–48.

17. *Традиционная* дружба между Китаем и Грузией укрепляется – 15-я годовщина установления дипломатических отношений между странами // «Жэньминь жибао» он-лайн. – <http://russian.people.com.cn/31521/5840911.html> 20.11.2008.

18. *Ду Лин*. Чжунго дуй Гэлуцзя личан инци гоцзи гуаньчжу (Китайская позиция по отношению к Грузии привлекла международное внимание) // Голос Америки-мобайл. – Электронная версия. – <http://www.voanews.com/chinese/mobile/index.cfm> 13 сентября 2008.

19. *Э Бай Ха* саньго гуаньшуй тунмэн цидун (Стартовал Таможенный союз трех государств – России, Белоруссии и Казахстана // Сообщение информационного агентства «Международная жизнь онлайн», <http://www.leshan.cn/system/2010076/000386036.html> 06.07.2010

20. *Чжао Хуашэн*. Чжунгодэ Чжунья вайцзяо (Дипломатия Китая в Центральной Азии). Пекин: Шиши чубаньшэ, 2008.